

Maciej Walczak

Uniwersytet Śląski w Katowicach

**ЛЕКСЕМА ДУРАК
В БЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧАХ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

**The дурак (*Durak*) Lexem
in *The Well-Meant Speeches* by Mikhail Saltykov-Shchedrin**

ABSTRACT: The article presents the context-determined meanings of the *дурак* (*durak*) lexem based upon the satirical sketches *Well-Meant Speeches* by Mikhail Saltykov-Shchedrin. At the beginning is the etymology of the word and then general vocabulary definitions produce four basic meanings for the word: 1. a good and honest man; 2. a person being the object of widely-spread mockery and jibes; 3. a person unable to behave in a proper way; 4. a person unable to administer their property in a good way as well as not to live their life successfully – a lame duck, a sluggard and a drunkard. From amongst those meanings the author tries to notice the mutual parallels which interpret visions of the fool in Saltykov-Shchedrin's sketches as well as the contemporary vision of the Russian mentality and its folk tradition.

KEYWORDS: semantics, context, the *дурак* (*durak*) lexem, etymology, folk tradition

В самом начале хотелось бы уточнить, что в предлагаемом исследовании *дурак* понимается широко, с одной стороны, как лексическая, т.е. словарная, единица и, с другой, как комплекс стоящих за ней культурно обусловленных представлений. Во многих работах в этой связи можно встретить термин *концепт* (*концепт* «*дурак*») для обозначения смыслов, «которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания»¹. Однако, учитывая то обстоятельство, что данный термин, понимаемый объёмно и неоднозначно, не только вызывает в лингвистике споры и разногласия, но и недостаточно ясно определён, что потребовало

¹ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др., *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90-91.

бы углубиться в предмет, мы решили отказаться от его использования, отдав предпочтение представлению о «лексеме в контекстах употребления». Тем более что, по мнению некоторых лингвистов, *концепт* «коррелирует с семантической структурой слова, разработанной в семасиологических исследованиях и включающей в себя образный, денотативный и оценочный компоненты»².

Дурак, в свою очередь, для русского языка, мышления и культуры, понятие очень ёмкое, как в собственно лингвистическом, так и в народно-ментальном, в том числе и в фольклорно-мифологическом, отношениях, представляя в этом ключе одну из определяющих категорий русского *духа*³.

Небезынтересно в этой связи обратить внимание на этимологическое родство лексем *дурак* и *дух* (в том числе, но не только, *дуть*, *душа*), восходящих к общему корню **dur-ь*, связанному с **du-ti* (первоначально **dōti* ‘дуть’) и образованному от индоевропейской базы **dheu-ēs* : *dheu-s*⁴ (ср. нем. *dumm* ‘безголовый; неразумный; безрассудный; неблагоразумный, глупый’⁵ – от др.-в.-нем. *tumb* ‘глупый; сумасбродный, взбалмошный; глухой’, а то, в свою очередь, от и.-е. **dheu-*, нем. *taub* ‘глухой; пустой’⁶ – от др.-в.-нем. *toub* ‘глухой; пустой; глупый’, что также от и.-е. **dheu-*⁷).

Связь с указанным этимологом на почве русского языка представляется тем более неслучайной, что при сравнении других однокоренных лексических единиц обнаруживается ряд сопоставимых ассоциаций: *надуть* ‘обмануть, провести’⁸ (ср. *оказаться в дураках* ‘быть обманутым’⁹ или же устаревшее *дуросвѣтъ* ‘обманщик, мошенник’¹⁰), *дуться*₁ – ‘выражать неприязненное отношение, неудовольствие, обиду; сердиться, обижаться’¹¹ (ср. польск. *dąsać się* ‘okazywać swym zachowaniem niezadowolenie, gniew; grymasić, kaprysić, stroić fochy’¹², от **dōti* ‘wiał, dąć, dmuchać’¹³ и сюда же *dumny* ‘mający o sobie wygórowane mniemanie; wynoszący się nad innych; nieprzystępny, wyniosły, pyszny, zarozumiały’¹⁴, также от

² И.И. Чесноков, *Месть как эмоциональный поведенческий концепт*, Волгоград 2009, с. 9-8.

³ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, т. 1, Санкт-Петербург 2014, с. 233.

⁴ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1, Москва 2009, с. 272-276.

⁵ В. Байко, И. Бёме, *Новый русско-немецкий, немецко-русский словарь*, Москва 2009, с. 93.

⁶ Там же, с. 296.

⁷ W. Pfeifer, *Etymologische Wörterbuch des Deutschen*, [в:] <https://www.dwds.de> (11.01.2022).

⁸ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2000, с. 579.

⁹ Там же, с. 288.

¹⁰ В. Даль, *Толковый словарь живаго великорускаго языка*, т. 1, Санкт-Петербург – Москва 1880, с. 502.

¹¹ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь русского языка*, т. 1, Москва 2006, с. 647.

¹² M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego*, t. I, Warszawa 1983, с. 364.

¹³ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2008, с. 111.

¹⁴ M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego...*, с. 468.

**dōti*¹⁵), *дуться*₂ – ‘перен. важничать, гордиться’¹⁶, *надутый* – 1. ‘высокомерный, напыщенный, чванный’; 2. ‘обиженный / выражающий обиду’¹⁷ (ср. *надменный* ‘чванливо-гордый, высокомерный’ – от *надъмень*, от **nadōti*, первоначально **nadъmti*¹⁸), *дурачить* – ‘обманывать, рассчитывая на чью-л. глупость, доверчивость’¹⁹, *дурманить* – ‘действовать отупляюще на разум, сознание’²⁰).

И в том же ряду, неслучайно, *надменность*, предполагающая, как уже говорилось, чрезмерную гордость и высокомерие, которые свойственны дураку «как человеку, в самомнении преувеличивающему собственную ценность»²¹. Следует добавить, что семантико-ассоциативная линия *дуть* → *дурак* выявляется при этимологическом анализе и в других языках европейского ареала, напр., английское *fool* ‘дурак, глупец; шут’²² и французское *fou, folle* ‘сумасшедший, безумный; шут’²³ восходят к латинскому *follus* ‘глупец’²⁴ от *follicis* ‘кожаный пузырь; надутый мех, на котором тренировались гладиаторы; мешок; надувная подушка’²⁵, которые, в свою очередь, от п.-и.-е. корня **bhel-* ‘надувать, дуть; надуваться; пухнуть’²⁶ (ср. англ. *blow* ‘дуть; надувать’). С учетом приведённого значения у латинского существительного *follis* (‘кожаный пузырь, мешок ...’) не случайным видится соотношение *кожаный мешок* → *надутый / наполненный чем-либо непригодным предмет* → *надутый / надменный, гордый* (о человеке), отразившееся в одном из стихотворных сочинений Миколая Рея: *Hardemu zda się, iż tu nikt nie równien / – On skorzany wór, który pelen gówien*²⁷. Интересно отметить, что прилагательное *hardy*, ставшее производным для *hardość* (в старопольском также с начальным взрывным *g* – *gardość* ‘gardzenie, arogancja’²⁸ (ср. рус. *гордость*)), обозначает ‘*dumny, wyniosły, butny*’²⁹ (рус. ‘высокомерный, надменный’).

¹⁵ W. Boryś, *Słownik etymologiczny...*, с. 132.

¹⁶ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, т. I с. 647.

¹⁷ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, т. II, с. 161.

¹⁸ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I, Москва 2009, с. 557.

¹⁹ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

²⁰ Там же.

²¹ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233.

²² В.К. Мюллер, *Большой англо-русский и русско-английский словарь*, Москва 2007, с. 241.

²³ П. Ларош, Е. Маевская, *Французско-русский, русско-французский словарь*, Москва 2013, с. 142.

²⁴ Ср. А. Kulbicka, A. Ledzińska, A. Maciąg i in., *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, [w:] https://lexicon.scriptoros.pl/pl/lemma/1.FOLLUS#haslo_prosty (12.01.2022).

²⁵ И.Х. Дворецкий, *Латинско-русский словарь*, Москва 1976, с. 435.

²⁶ *Online Etymology Dictionary*, [in:] <https://www.etymonline.com/word/fool> (11.01.2022).

²⁷ M. Rej, *Pyszny a pokorny*, [w:] *Mikołaja Reja z Nagłowic pisma wierszem*, wyd. J. Czech, Kraków 1848, s. 31.

²⁸ S. Urbańczyk (red.), *Słownik staropolski*, т. II, Wrocław – Kraków – Warszawa 1956-1959, s. 385; 540.

²⁹ M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego...*, s. 725.

Лексема *дурак* в русском языке, или шире – русской лингвокультуре, обладает, как можно было заметить, довольно сложным характером, распадаясь на концептуально дифференцированные представления и разные по этой причине значения:

- современное, узуальное, бытовое, предполагающее глупого, несообразительного человека;
- народно-мифологическое, за которым стоит образ простодушно-отзывчивого героя, вознаграждаемого счастьем и удачей в неизменном конце;
- ментально-культурное и историческое, согласно которому дурак предстаёт как обличитель пороков и социальных несправедливостей, он же юродивый³⁰.

Марина Черкасова, базируясь на данных лексикографических источников, научной литературы, мифологизированных и современных медиатекстов, выделила следующие реализации языковых значений слова *дурак*:

1. Дурак – тупое, глупое, неумное, неполноценное, существо, синонимами которого являются единицы *дурень, дурачина-простофиля, глупый, тупой* и т.д.
2. Дурак фольклорный: а) глупый и ленивый, б) служит для номинации третьего, младшего сына в семье (третий сын Иван-дурак или третий сын дурак), которому неизменно везет. В качестве синонимов выступают такие определения, как *младший сын, Иван, Иванушка, Иван-дурак, Иванушка-дурачок, Емеля, Емелюшка*.
3. Уменьшительно-ласкательное наименование, не обладающее резкими негативными характеристиками: *дурачок – дурашка, глупенький*.
4. Дурак как нейтральная номинация, имя собственное (без мифологизированного следа) в Древней Руси³¹.

Об активности и актуальности образа-персонажа *дурака* для русской ментальности и языкового употребления свидетельствует большое количество производных (более 40) с корнем *дур-*, включая устаревшие и диалектные единицы: *дура, дурак, дурка, дурко, дуралей, дурандай, дурундай, дурандас, дурундас, дурандасович, дурандыс, дуранюшка, дураня, дурасина, дурафья, дурачина, дурачище, дурачок, дурашка, дурушка, дурашман, дурбень, дурень, дурила, дурило, дурьё, дурица, дурища, дурнушка, дурняшка, дуrolом, дуrolопа, дуροхвай, дуροхват, дуροхвайка, дурочка, дурошлён, дуруша, дурында, полудурак, придурок, придурь*. Распространённость образа дурака характерна, впрочем, для всего

³⁰ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233. По смежной проблематике см. также: Л.Б. Никитина, *Русский дурак и русский ум: архетипические черты языкового образа человека разумного*, [в:] Портал “О литературе”, LITERARY.RU, [в:] <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207130917&archive=1207225892> (21.12.2021); Л.Б. Никитина, *Образ дурака в русской культурной традиции (лингвокультурологический аспект)*, «Филологический ежегодник» 2005, вып. 5/6, с. 104-107.

³¹ М.Н. Черкасова, *Дурак фольклорный vs «дурак полный»: к интерпретации оскорбления*, «Rhema. Рема» 2011, № 2, с. 106.

восточнославянского языкового ареала, о чём свидетельствует высокая его частотность, напр., в белорусском паремиологическом фонде³².

Как замечает Ирина Кириллова³³, лексема *дурак* является одним из основных репрезентантов концепта *глупость* в русских народных сказках, а сам персонаж дурака – одним из наиболее колоритных и популярных героев русских фольклорных текстов. Подобное мнение высказывается Валентиной Масловой, считающей, что концепт *дурак* выступает одним из ключевых в русской культуре в силу стоящего за ним мира образов, представлений, аксиологических установок и метафор³⁴.

По словам Татьяны Хрипуловой, образ дурака в художественном произведении раскрывает важные субстанциальные признаки русского характера, в силу чего образ делается повторяющимся, привычным, узнаваемым и попадает в зону «внимания»³⁵. Следует добавить, что тема глупости, сумасшествия, шизофрении, юродивости, дурачества и прочих психических расстройств неоднократно становилась лейтмотивом произведений русской (также и мировой) художественной литературы, начиная с протопопа Аввакума, переходя затем к Д.Н. Фонвизину, А.С. Грибоедову, И.А. Крылову, А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Н.С. Лескову, Ф.М. Достоевскому, Ф.К. Сологубу, А.М. Ремизову, В.Я. Шишкову, В.В. Ерофееву и мн. др.³⁶ Кроме того, персонаж дурака – неотъемлемый компонент «деревенской прозы», служивший выразителем настроений крестьянского люда и нашедший своё отражение, в частности, в сочинениях Василия Шукшина³⁷.

В этой связи выбранные нами для анализа *Благонамеренные речи* М.Е. Салтыкова-Щедрина³⁸ не исключение. Обращение именно к этому произведению было продиктовано также замеченной в нём высокой частотностью лексемы *дурак*, появившейся на протяжении всего текста 71 раз, включая падежные формы. Лексема *дура*, в свою очередь, была обнаружена только 4 раза.

Помимо этого, мотив дурости и глупости – чаще всего лишь поверхностной, а на самом деле ложной и иронически понимаемой, – пронизывает и другие сочинения этого автора, напр., в сказке *Дурак*, повести *История одного города*,

³² И. Швед, *Из наблюдений над образом дурака в паремиологическом фонде белорусской традиции*, „Białorutenistyka Białostoska” 2013, t. 5, с. 383-415.

³³ И.В. Кириллова, *Языковые репрезентации концепта «глупость» в русских народных сказках*, «Вестник Вятского государственного университета» 2011, № 2-2, с. 12-13.

³⁴ В.А. Маслова, *Введение в когнитивную лингвистику*, Москва 2007, с. 171.

³⁵ Т.Н. Хрипулова, *Концепт «дурак» в поэзии Н.И. Тряпкина*, «Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова» 2014, № 1, с. 165.

³⁶ Некоторых из этих авторов перечисляет в своей работе А. Skotnicka-Maj, *Szaleństwo jako wartość we współczesnej literaturze rosyjskiej*, „Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze” 1992, nr 17, s. 113.

³⁷ Д.Р. Мухтарова, *Особенности репрезентации лингвокультурных концептов в рассказах В.М. Шукшина*, «Международный научно-исследовательский журнал» 2017, № 4-2 (58), с. 64.

³⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи*, Москва 1876.

очерках *Глухов и глуповцы, Глуховское распутство*. Стоит при этом отметить, что в выбранном нами произведении дурак не является действующим лицом в субъектном (активном) своём воплощении (как, напр., в сказках) но, скорее, в объектном (пассивном) – как тот, кому приписывают черты дурака, и тот, кого в *дураках* оставляют.

Прежде чем перейти к анализу контекстных реализаций лексемы *дурак* в выбранном сочинении, хотелось бы дать её краткую словарную характеристику.

Данные толковых словарей современного русского языка позволяют выделить следующие значения: 1. 'Глупый, тупой человек'; 2. *Разг.* 'помешанный, юродивый'³⁹; 3. Употребляется в функции бранного слова, ругательства⁴⁰. 4. *Только с отрицанием*: не дурак в *знач. сказ., разг.* 'любитель делать что-л'. 5. В старину: 'придворный или домашний шут'⁴¹. Небезынтересно отметить также некоторые переносные значения лексемы *дурак* в диалектном её проявлении: 'тыква; пустоцвет у огурцов; капустаная рассада без сердцевинки, не дающая кочана'⁴². В последнем приведённом толковании можно увидеть связь с представлением о *пустом* (тыква, капуста: нечто по форме округлое, «надутое», внутри лишённое содержания), которое также обнаруживает себя в восприятии дурака как «духовно и умственно пустого»⁴³. Несмотря на то, что за интересующей нас лексемой стоит отрицательно заряженный потенциал, можно отметить также оттенок ласкового расположения, особенно в выражениях с деминутивом (*дурачок, он такой дурачок*), и нередко при обращении: *ах ты мой дурачок*⁴⁴.

На основании приведённых словарных толкований можно сделать вывод о том, что в современном речевом употреблении функционируют в основном значения узуальное, ранее упомянутое ('глупый, тупой человек'), и культурно-ментальное ('разг. помешанный, юродивый'⁴⁵).

При обращении к выбранным текстам М.Е. Салтыкова-Щедрина мы старались выявить непосредственные и обусловленные контекстно реализации семантики многослойного представления *дурака*. Отметим, что подобные попытки, с лингво-когнитивной позиции, предпринимались в работе М.Н. Черкасовой, выделившей несколько структур концепта *дурак* в зависимости от типа сознания – обыденного, мифологического и научного⁴⁶. В свою очередь, наша задача сводилась к другому – к определению как самых частотных, так и редких семантических проявлений интересующего нас представления в конкретном

³⁹ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

⁴⁰ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, с. 647.

⁴¹ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка в 4-х тт.*, т. I, Москва 1999, с. 453.

⁴² Ф.П. Филин (ред.), *Словарь русских народных говоров*, вып. 6, Ленинград 1970, с. 264.

⁴³ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233.

⁴⁴ Д.С. Лихачёв, *Заметки о русском*, Москва 1984, с. 13.

⁴⁵ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

⁴⁶ М.Н. Черкасова, *К вопросу о фрейм-слововой структуре концепта дурак*, «Вопросы когнитивной лингвистики» 2011, № 4, с. 74-82.

художественном тексте, с учётом и в тесной связи со всеми названными ранее современными, народно-мифологическими и прочими значениями и воплощениями.

В результате такого подхода были выявлены четыре основные контекстно обусловленные реализации:

1. добрый, честный и нравственный человек как жертва мошенничества;
2. человек, ставший объектом всеобщей насмешки;
3. человек, не умеющий повести себя надлежащим образом;
4. человек, не умеющий управлять своим имуществом и самим собой – неудачник, пьяница и лентяй.

Представление и анализ материала будем стараться давать в соответствии с указанной очерёдностью, однако в силу довольно пёстрых, неоднородных, нередко взаимопроникающих друг в друга проекций «дурака» в выбранном произведении предполагается отражение параллелей к реализациям, ранее охарактеризованным. С соблюдением вместе с тем принципа логического следования данной реализации из предшествующей. Выделенные четыре смысловые проекции представляют собой, с точки зрения анализа, основные ячейки, в составе которых и вокруг которых будут выстраиваться непосредственно текстовые употребления.

Первая, самая частотная, реализация представляет собой параллель к народно-мифологическому значению лексемы *дурак* ('простодушный, отзывчивый, добрый, вознаграждаемый счастьем и удачей'). Данное значение в контексте у Салтыкова-Щедрина дополнительно модифицируется, предполагая добродушно-сердечного человека, который по своей доброте оказывается наивным, становясь нередко жертвой мошенничества и обмана и не умея извлекать для себя возможную выгоду из сложившихся жизненных обстоятельств. Последний признак, к слову сказать, свойствен и персонажу Ивана-дурака, который в народных волшебных сказках наделяется добротой и отсутствием стремления к личной выгоде⁴⁷.

Обратимся теперь к примерам из выбранных нами текстов:

... Весь город знает, что Маргарита Ивановна уж на другой день духовную подделала! И писал-то отец протопоп! – И подделала, и все это знают, и даже сам отец протопоп под веселую руку не раз прого варивался, и все же у Маргариты Ивановны теперь миллион чистоганом, а у Харина – кошель через плечо. Потому, дурак! – Дурак-то дурак! однако, все-таки...
Дурак – и больше ничего⁴⁸. (с. 20)

⁴⁷ М.Л. Карданова, Л.Х. Настаева, *К вопросу о структуре и языковом выражении концепта «дурак» в английском, испанском и русском языках*, «Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований» 2015, № 21, с. 189-192.

⁴⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи...* (здесь и далее цит. по этому изданию, в скобках указываются страницы).

– Уж очень вы, сударь, просты! ах, как вы просты! И не одно это припомнил, но и то, как я краснел, выслушивая эти восклицания. Не потому краснел, чтоб я сознавал себя дураком, или чтоб считал себя вправе поступать иначе, нежели поступал, а потому, что эти восклицания напоминали мне, что я *мог поступать иначе*, то есть с выгодой для себя и в ущерб другим, и что самый факт непользования этою возможностью у нас считается уже глупостью. (с. 19)

– Этакой случай был – и упустил. Дурак! – укоряет женщина.

– Да ты знаешь ли, дура, чем Сибирь пахнет! – возражает мужчина.

– Для дурака, куда ни оглянись – везде Сибирь. Этакой случай упустил!

Женщина вздыхает и умолкает, но не надолго.

– Дурак! – повторяет она.

– Не мути ты меня, ради Христа! Дурак да дурак! Нешто я не вижу! И словно ведь дьявол меня осетил!

– И чего ты глядел! Счастье само в руки лезет, а он, смотри, нос от него воротит! Дурак!

Мужчина, уличенный и подавленный, не возражает. (с. 21)

В рассматриваемых фрагментах *дурак* предстаёт также как оценочная и негативно заряженная проекция не только того, кто упустил возможность, не воспользовался случаем в свою пользу и для своей выгоды, но и того, кто стал по этой причине объектом публичной и всеобщей насмешки (*дурацкое положение*), критики, порицания, испытывая при этом чувство неловкой, давящей к тому же, незаслуженной обиды, горечи и стыда («...как я краснел, выслушивая эти восклицания»). Именно это позволяет выделить очередное, второе по частотности, контекстное значение – человек, оказавшийся в неловком (*дурацком*) положении, ставший объектом незаслуженного порицания и насмешки, которое ещё отчётливее проявляет себя в следующем фрагменте:

Стыдно сказать, но делается как-то обидно и больно, когда разом целый кагал смотрит на вас, как на дурака. Не самое название смущает, а то указывание пальцами, которое вас преследует на каждом шагу. (с. 19)

В приведённом отрывке явно отмечает себя параллель к персонажу дурака в русских бытовых сказках, в которых, по словам Марьяны Кардановой и Людмилы Настаевой, выступает он объектом издёвок и всеобщего осмеяния⁴⁹. Интересно отметить, что представление о дураке как объекте стыда и насмешки отражено и в русской народной пословице: *чужой дурак – ха-ха! а свой дурак – ой-ой!, чужой дурак – веселье, а свой – бесчестье, чужой дурак – смех, свой дурак – стыд, чужой сын дурак – смех, а свой сын дурак – смерть (стыд)*⁵⁰.

⁴⁹ М.Л. Карданова, Л.Х. Настаева, *К вопросу о структуре...*, с. 190.

⁵⁰ В. Даль, *Пословицы русского народа*, Санкт-Петербург 2000, с. 275, 382.

Ситуация высмеивания, издевательства прослеживается и в следующих фрагментах, в которых, как представляется, можно выявить наложение отмеченных ранее признаков, т.е., с одной стороны, – человек, ставший жертвой обмана и мошенничества, с другой же, – объект всеобщего по этой причине осмеяния:

... Большинство спало, но в некоторых группах слышался говор.

– И как же он его нагрел! – восклицает некто в одной группе, – да это еще что – нагрел!

Греет, братец ты мой, да приговаривает: помни, говорит! в другой раз умнее будешь! Сколько у нас смеху тут было!

– Дурак!

– Дурак и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дурак, зачем же не в свое дело лезешь?

Ну, и терпи, значит! (с. 22)

– Ха-ха! вот, брат, так штука!

– Сколько смеху у нас тут было – и не приведи господи! Слушай, что еще дальше будет.

Вот только немец сначала будто не понял, да вдруг как рявкнет: «Вор ты!» – говорит. А наш ему: «Ладно, говорит; ты, немец, обезьяну, говорят, выдумал, а я, русский, в одну минуту всю твою выдумку опроверг!»

– Молодец!

– Нет, ты бы на немца-то посмотрел, какая у него в ту пору рожа была! И испугался-то,

и не верит-то, и за карман-то хватается – смехота, да и только!

– Просты еще насчет этих делов немцы! не выучены!

– Чего проще! просто дураки! совсем как оглашенные! (с. 22)

В последнем отрывке можно увидеть своеобразную игру прототипическим образом дурака, закреплённым в русских волшебных сказках, в которых он, обладая особыми свойствами и умениями, являясь отчасти воплощением свойственной русскому человеку хитрости, проницательности и ловкости, всегда оказывается в выигрыше, особенно при столкновении с чужим либо потусторонним. Однако у М.Е. Салтыкова-Щедрина дурак – это вовсе не хитрый и ловкий проныра, а тот, кто по неопытности и по наивности становится жертвой обманщика.

Очередное выявленное нами контекстно обусловленное значение предполагает человека, не умеющего в определённой ситуации (по)вести себя надлежащим образом. Отмеченное значение можно увидеть в таких фрагментах:

Дурак! разиня! – объясняет жандарм стоящему перед ним растерявшемуся малому, – из-под ног мешок вытащили – не чует! Так вас и надо! Долго еще вас, дураков, учить следует! (с. 23)

Бьет час; слышится сигнальный свист; поезд близко. Станция приходит в движение: поднимается шум, беготня, суета. В моих ушах, словно перекрестный

огонь, раздаются всевозможные приветствия и поощрения. Дурак! разиня! простофиля! фалалей! Наконец, я добираюсь до вагона 2-го класса и бросаюсь на первую порожнюю скамью, в надежде уснуть. (с. 23)

В цитируемых отрывках лексему *дурак* можно считать также средством выражения досады, разрядки эмоций по поводу произошедшего, что сближает её с функцией бранного слова, ругательства, особенно в ряду других оценочно и эмоционально маркированных единиц (*разиня, простофиля, фалалей*). В подобной функции используется и лексема *дура*, в сопровождении усиливающего эпитета *криворотая* (в приводимом примере):

Но на улице, между играющими девочками, происходит смятение.

– Не в десятый раз мне гореть! Я первая ударила! – протестует жалобный голос одной из девочек.

– Ан я ударила! Я первая ударила! ты дура! ты и гори! – возражает другой голос, более мужественный и крепкий.

– Я первая ударила! не мне гореть! Маньке гореть!

Спор оживляется, но протестующая сторона видимо слабеет. Слышатся возгласы: «Дура! криворотая! ишь что выдумала!» и т. д. Возгласы готовы перейти в побоище.

– Цыц, паскуда! – раздается с крыльца.

Протесты мгновенно смолкают; горелки продолжают уж без шума, и только изредка безмолвие нарушается криком: «Дура! что, взяла?» (с. 21)

Значимая отрицательная нагрузка слова *дурак*, вызывающая чувство неотступного эмоционально-психологического дискомфорта в момент не только его произнесения, точнее восприятия, но и при самом о нём упоминании, подчёркивается самим рассказчиком:

Дурак! дурак и дурак! – вот единственные выражения, которые раздаются в моих ушах. Мне становится наконец страшно. Куда деваться от этого паскудного, поганого слова? Десять дней сряду, прямо или косвенно, оно преследует меня; десять дней сряду я слышу наглый панегирик мошенничеству, присвоивающему себе наименование ума. (с. 21)

Представление о дураке как о человеке, не умеющем себя повести, одновременно предполагает и того, кто из-за этого подвергается физическому либо психическому насилию. В этой связи следует обратить внимание на то, что в тексте довольно часто появляется выражение (*надо*) *учить дураков* в разном синтаксическом окружении и оформлении. Подобный устойчивый оборот, встречающийся в разных своих вариантах, характерен и для русских народных поговорок: *дурака учить – что мёртвого лечить; учить дураков – не жалеть кулаков; что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить; дурака*

*учить – что воду решетом носить; неразумного учить – в бездонную кадку воду лить; дурака учить – что на воде писать; дурака учить – только портить; дурака учить – воду в решете носить*⁵¹. В приведённых паремиях «учение» дураков предполагает преимущественно бесполезно предпринимаемые образовательно-наставительные действия, неэффективность которых заставляет в итоге применить физическое, насильственное воздействие (*учить дураков – не жалеть кулаков*; ср. также *дурака и в алтаре бьют; лося бьют в осень, а дурака всегда*). Отмеченный мотив телесного наказания дураков, хотя в тексте *Благонамеренных речей* единичный, обнаруживается в следующей цитате:

Да... народ нынче! Да ведь и Бакулин-то прост! ну, как-таки так? – замечает другая сибирка.
– Чего прост! Дурак как есть! Дураком родился, дураком и умрет! Потому и учат. Кабы на дураков да не плеть, от них житья бы на свете не было! (с. 26)

Однако в тексте «наука», которую должен извлечь для себя дурак из определённой ситуации, заключается в том, что он становится или мысленно делается объектом издевательски усиленного, намеренного воздействия с ощущением им последствий своего якобы необдуманного и обращающегося в материальный ущерб для себя поведения. В результате дурак – это тот, кого учат не физическим насилием, но психическим испытанием – несчастьем, жизненными трудностями, лишениями:

– Так неужто ж Маргарита Ивановна так-таки ничего и не даст?
– И не даст. Потому, дурак, а дураков учить надо. Ежели дураков да не учить, так это что ж такое будет! Пушай-ко теперь попробует, каково с сумой-то щеголять! (с. 20)
– Да, простенек-таки почтеннейший Тихон Никанорыч! – наконец произносит он с новым вздохом.
– Помилуйте! Скотина! На днях, это, вообразил себе, что он свинья: не ест никакого корма, кроме как из корыта, – да и шабаш! Да ежели этаких дураков не учить, так кого же после того и учить! (с. 25)
– Уж что об вашем хозяине говорить! Хозяин – первый сорт! – отзывается другая сибирка.
– Нет, да ты вообрази! Продал он Семену Архипычу партию семени, а Семен-то Архипыч сдуру и деньги ему отдал. Стали потом сортировать, ан семя-то только сверху чистое, а внизу-то все с песком, все с песком!
– Дурак!
– Нет, ты вообрази! Все ведь с песком! Семен-то Архипыч даже глаза выгарашил: так, говорит, хорошие торговцы не делают!

⁵¹ В. Даль, *Пословицы русского народа...*, с. 275.

- Дурак!
- А хозяин наш стоит да покатывается. «А у тебя где глаза были? – говорит. – Должен ли ты иметь глаза, когда товар покупаешь? – говорит. – Нет, говорит, вас, дураков, учить надо!» (с. 20)

В последнем фрагменте «учение дураков» оказывается дополнительно не следствием, а предлогом для сознательно и заведомо запланированного обмана, мошенничества с извлечением выгоды для себя. Проявляет это себя и в следующем фрагменте:

- И как же он его нагрел! – восклицает некто в одной группе, – да это еще что – нагрел!
- Греет, братец ты мой, да приговаривает: помни, говорит! в другой раз умнее будешь! Сколько у нас смеху тут было!
- Дурак!
- Дурак и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дурак, зачем же не в свое дело лезешь? Ну, и терпи, значит! (с. 22)

Представленная контекстная реализация снова становится в параллель к дураку как герою народных сказок, в которых на этот раз выступает он воплощением лентяя, пьяницы и неудачника⁵², не умеющего управлять своим имуществом и самим собой. Для иллюстрации приведём такие фрагменты:

- Сс, чем же он, однако, теперь живет?
- Так кое-когда Капитолина Егоровна из своих средств кое-что дает. Да зачем и давать!
- Сейчас получил – сейчас в кабаке снес!
- Да, прост-таки Иван Гаврилыч! на порядках прост!
- Помилуйте! дурак! Коли этаких дураков не учить, кого ж после того учить надо? (с. 25)

- По здешнему месту насчет дураков даже очень строго. Вроде как даже именем своим владеть недостойными почитаются... Сейчас, это, или сам от своей глупости прогорит, или унесет у него кто-нибудь...
- Дурак – это по-здешнему значит: выморочный человек, – пояснил Колотов. (с. 44)

На основании рассмотренного материала можно прийти к выводу, что лексема *дурак* у М.Е. Салтыкова-Щедрина предполагает преимущественно пёстрый и неоднородный портрет как следствие обыгрывающе-контаминированного воплощения разных признаков, что в целом можно было бы свести к общему образу дурака как нравственно чистого обличителя социальных несправедливостей

⁵² М.Н. Черкасова, *К вопросу о фреймо-слововой структуре...*, с. 80.

и человеческих пороков. Все отмеченные нами контекстно обусловленные реализации и значения можно представить как намеренно созданную писателем «шутовскую маску», за которой скрывается, себя обнаруживая в своей совокупности, совсем иной облик и образ. Данное положение непосредственно вызывает ассоциации с известными персонажами других авторов, таких, как князь Мышкин у Фёдора Достоевского и, к примеру, бравый солдат Швейк у Ярослава Гашека. Все они в восприятии окружающих – глупцы, идиоты и дураки, в то время как в действительности, через такое к ним отношение и такое их восприятие, обнажаются доведённые до крайности общественные и нравственные патологии.

References

- Bayko V., Běme I., *Novyy russko-nemetskiy, nemetsko-russkiy slovar'*, Moskva 2009.
- Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2008.
- Cherkasova M.N., *Durak fol'klorny vs «durak polnyy»: k interpretatsii oskorbleniya, «Rkhema. Rema»* 2011, № 2.
- Cherkasova M.N., *K voprosu o freymo-slotovoy strukture kontsepta durak, «Voprosy kognitivnoy lingvistiki»* 2011, № 4.
- Chernykh P.Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*, t. I, Moskva 2009.
- Chesnokov I.I., *Mest' kak emotsional'nyy povedencheskiy kontsept*, Volgograd 2009.
- Dal' V., *Poslovitsy russkogo naroda*, Sankt-Peterburg 2000.
- Dal' V., *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka*, t. 1, Sankt-Peterburg – Moskva 1880.
- Dvoretzkiy I.Kh., *Latinsko-russkiy slovar'*, Moskva 1976.
- Efremova T.F., *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, t. I-II, Moskva 2006.
- Evgen'eva A.P. (red.), *Slovar' russkogo yazyka v 4-kh t.*, t. I, Moskva 1999.
- Filin F.P. (red.), *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 6, Leningrad 1970.
- Khriptomulova T.N., *Kontsept «durak» v poezii N.I. Tryapkina*, «Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova» 2014, № 1.
- Kardanova M.L., Nastayeva L.Kh., *K voprosu o strukture i yazykovom vyrazhenii kontsepta «durak» v angliyskom, ispanskom i russkom yazykakh*, «Novoye slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy» 2015, № 21.
- Kirillova I.V., *Yazykovyye reprezentatsii kontsepta «glupost'» v russkikh narodnykh skazkakh*, «Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta» 2011, № 2-2.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., *Slovar' russkoy mental'nosti*, t. 1, Sankt-Peterburg 2014.
- Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z. i dr., *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*, Moskva 1996.
- Kulbicka A., Ledzińska A., Maciąg A. i in., *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, [w:] <https://elexicon.scripores.pl>.
- Kuznetsov A.S. (red.), *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, Sankt-Peterburg 2000.
- Larosh P., Mayevskaya E., *Frantsuzsko-russkiy, russko-frantsuzskiy slovar'*, Moskva 2013.
- Likhachëv D.S., *Zametki o russkom*, Moskva 1984.
- Maslova V.A., *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku*, Moskva 2007.
- Mikolaja Reja z Nagłowic pisma wierszem*, wyd. J. Czech, Kraków 1848.

- Mukhtarova D.R., *Osobennosti reprezentatsii lingvokul'turnykh kontseptov v rasskazakh V.M. Shukshina*, «Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal» 2017, № 4-2 (58).
- Myuller V.K., *Bol'shoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar'*, Moskva 2007.
- Nikitina L.B., *Obraz duraka v russkoy kul'turnoy traditsii (lingvokul'turologicheskiy aspekt)*, «Filologicheskiy ezhegodnik» 2005, vyp. 5/6.
- Nikitina L.B., *Russkiy durak i russkiy um: arkhетipicheskiye cherty yazykovogo obraza cheloveka razumnogo*, [v:] Portal "O literature", LITERARY.RU, <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull>.
- Online Etymology Dictionary*, [v:] <https://www.etymonline.com>.
- Pfeifer W., *Etymologische Wörterbuch des Deutschen*, [v:] <https://www.dwds.de>.
- Saltykov-Shchedrin M., *Blagonamerennyye rechi*, Moskva 1876.
- Skotnicka-Maj A., *Szaleństwo jako wartość we współczesnej literaturze rosyjskiej*, „Rusycystyczne studia literaturoznawcze” 1992, nr 17.
- Shved I., *Iz nablyudeniya nad obrazom duraka v paremiologicheskoy fonde belorusskoy traditsii*, „Białorutenistyka Białostoka” 2013, t. 5.
- Szymczak M. (red.), *Słownik języka polskiego*, t. I, Warszawa 1983.
- Urbańczyk S. (red.), *Słownik staropolski*, t. II, Wrocław – Kraków – Warszawa 1956-1959.

NOTA O AUTORZE

Maciej Walczak – doktor nauk humanistycznych, rusycysta, adiunkt w Instytucie Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego. **Ważniejsze publikacje:** *Мотивация названий насекомых в русском и польском языках*, Saarbrücken 2015; *Греческие корни в лексическом составе русского и польского языков (семантический, словообразовательно-морфологический и стилистический аспекты)*, Katowice 2016; *Оценочность и эмоциональность высказываний Д. Туска и Я. Качинского с позиции просодико-фонетических показателей*, [w:] *Kim Ty jesteś? Ja kontra Adwersarz w polskiej debacie przedwyborczej. Język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii*, Katowice 2019, s. 29-69; *Русская орфоэпия в польских пособиях по практической фонетике русского языка*, [v:] *Русский язык и литература в контексте глобализации*, Москва 2019, с. 128-133; *Заемствованные элементы в русских пословицах и поговорках, относящихся к уму и глупости*, [v:] *Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии*, ред. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2020, с. 89-97.

ORCID: 0000-0001-6313-5672

Email: maciej.walczak@us.edu.pl